

*Как шепот горестен разлуки!..
Молчу, потерянный, на дальний путь глядя
Из-за темнеющего сада,—
И кружится еще, приюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо.*

Детали по видимости случайны, захвачены как бы «врасплох» внезапно возникшим чувством... И, однако, детали эти не заменишь никакими другими. Они заключают в себе как бы предел того поэтического вдохновения, которое Пушкин определил как «расположение души к живейшему принятию впечатлений».

При этом каждое из фетовских «впечатлений» — глубинно и неожиданно. Однажды Лев Толстой в письме к Фету, выражая восторг по поводу стихотворения «Далекий друг, пойми мои рыдания...», заметил: «Коли оно когда-нибудь разобьется и засыпется развалинами и найдут только отломанный кусочек: «в нем слишком много слез», — то и этот кусочек поставят в музей и по нем будут учиться». Не случайна здесь апелляция к временам будущим: Фет и сам понимал, что пишет, скорее, для потомков...

Таковым же считал его и П. И. Чайковский, заметивший, что «Фет есть явление исключительное»: «Это не просто поэт, скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом. От этого также его часто не понимают, а есть даже и такие господа, которые смеются над ним или находят, что стихотворения вроде «Уноси мое сердце в звенящую даль...» есть бессмыслица. Для человека ограниченного и в особенности немзыкального, пожалуй, это и бессмыслица, — но ведь недаром же Фет, несмотря на свою несомненную для меня гениальность, вовсе не популярен».

На протяжении всего творчества Фет ощущал невозможность чисто словесными средствами передать всю глубину и богатство своего — да и не только своего: вообще человеческого — внутреннего мира, его «музыкально-неуловимые» чувства, впечатления, переживания. «Не нами / Бессилье изведано слов к выраженью желаний...»; «Что не выскажешь словами — / Звук на душу навей»; «Людские так грубы слова, / Их даже нашептывать стыдно!»; «Как беден наш язык! — Хочу и не могу. — / Не передать того ни другу, ни врагу, / Что буйствует в груди прозрачною волною...» Это фрагмен-

ты из стихов разных лет: в этом ощущении «бедности» языка для выражения чувств Фет оставался один на протяжении всего своего пути.

И каким-то трудно объяснимым, «дьявольским» образом умел он эту «бедность» преодолевать, оставаясь в поэзии таким же устойчивым, упорным и до конца не понятым, как и в жизни своей:

*Как мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.*

*Но цвет вдохновенья
Печален средь будничных терний;
Былое стремленье
Далеко, как выстрел вечерний.*

*Но память былого
Все крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!*

Литература

Фет А. А. Полн. собр. стихотв. / Вступ. ст. Б. Я. Бухштаба. — Л., 1959; Он же. Вечерние огни / Вступ. ст. Д. Д. Благого. — М., 1979; Он же. Сочинения: В 2 т. / Вступ. ст. А. Е. Тархова. — М., 1982; Он же. Воспоминания: В 3 т. (Репринт). — М., 1992; Боткин В. П. Стихотворения А. А. Фета // Литературная критика. — М., 1984; Дружинин А. В. Стихотворения А. А. Фета // Литературная критика. — М., 1984; Афанасий Афанасьевич Фет (Шеншин). Его жизнь и сочинения / Сост. В. Покровский. — М., 1904; Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха // О поэзии. — М., 1969; Озеров Л. А. А. А. Фет. О мастерстве поэта. — М., 1970; Бухштаб В. Я. А. А. Фет: Очерк жизни и творчества. — 2-е изд. — Л., 1990; Благой Д. Д. Мир как красота: О «Вечерних огнях» А. Фета. — М., 1975; Скатов Н. Н. Лирика Афанасия Фета: Истоки, метод, эволюция // Далекое и близкое. — М., 1981; Маймин Е. А. Афанасий Афанасьевич Фет: Книга для учащихся. — М., 1989; Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета: Сб. науч. трудов. — Курск, 1993.

